

Топор Янь Фуи со свистом опустился на полено.

Искусство меча он начал постигать очень рано. Мальчик едва научился твердо стоять на ногах, а уже носился с деревянным клинком, который вырезала ему матушка, и увлеченно рубил водяные брызги у горного водопада. Природа щедро одарила его талантом.

И пускай во всех Девяти Провинциях образ заклинателя меча неизменно овеян романтикой и поэзией, на деле это ремесло — невероятно монотонный, изнурительный труд.

Но Янь Фуи с рождения обладал редким даром — терпением. Пока сверстники беззаботно ловили бабочек на лугу, он часами, по десять часов в день, оттачивал одно-единственное движение, повторяя его тысячи раз.

Семья Янь погибла, когда братьям едва исполнилось пять лет. К тому времени Фуи уже стоял на пороге стадии Концентрации Ци: одного его удара хватало, чтобы расколоть надвое вековой пенё шириной в обхват.

Те детские годы были, пожалуй, единственным временем, когда он помнил себя по-настоящему слабым.

Теперь же, взмахнув тяжелым колуном точно так же, как привык направлять клинок, он услышал лишь глухой, жалкий стук. Полено даже не треснуло, зато запястье обожгло резкой отдачей, и рука мелко задрожала.

Юноша спокойно принял горькую правду: теперь он калека. Без лишних вздохов он поправил строптивое дерево и вновь замахнулся, метя в ту же самую зазубрину.

Незрячий, с полностью разрушенными духовными меридианами — пускай. Главное, руки и ноги целы, а значит, он все еще способен держать оружие.

И пусть его духовный меч — то ли обидевшись на хозяина за попытку свести счеты с жизнью, то ли из-за исчезновения духовных сил — упорно не желал откликаться на зов, в его опустевшем сознании поселился другой спутник. Тот трещал без умолку, не затыкаясь ни на минуту.

«...У тебя ведь припрятана трава Звездного Ущелья? Не в мешке цянькунь, а при себе. И не пытайся отпереться, я отлично знаю, что в тот день она как раз созрела».

Врожденное благородство не позволило Янь Фуи проигнорировать этот наглый выпад, и он отозвался лаконично:

«Да».

Голос, величавший себя Системой, так и брызгал энтузиазмом:

«Отлично! Слушай сюда, сейчас я открою тебе тайную технику из Канона Небесной Оси. Эта трава подойдет идеально. Когда мы в следующий раз встретим этого неблагодарного ублюдка, мы силой вернем все, что он у тебя отнял!»

Тяжелые, но выверенные движения Янь Фуи на миг прервались. Спустя мгновение, словно ничего не произошло, он вновь установил надколотое полено и глухо ответил:

«Не нужно».

«Что значит „не нужно“?!»

«Будем считать, это мой долг перед ним, — тихо произнес Янь Фуи. — С этого момента мы чужие люди».

«Долг?! Да какого... черта! — Ли Фуюй едва сдержал рвущееся ругательство и буквально взорвался от возмущения. — С какой стати ты ему задолжал?! У тебя что, голову напекло?!»

Прервав работу, Янь Фуи тяжело выдохнул.

«Для заклинателей врожденные кости неразрывно связаны с кровными узами, — его голос звучал пугающе ровно, без единой эмоции. — Забрав мои кости меча, Янь Тиншуан сам рассек нашу кровную связь. Я больше не его старший брат. И больше не чувствую себя виноватым за то, что небо с рождения дало мне больше, чем ему».

Выслушав столь длинную тираду — редчайшую щедрость со стороны молчаливого мечника, — Ли Фуюй запнулся. Ему стало даже как-то глупо, по-детски приятно.

И хотя логика этого упрямца по-прежнему не укладывалась у него в голове, сама мысль о том, что Янь Фуи больше не собирается покорно служить ходячим донором для своего неблагодарного братца, несказанно радовала.

«Что ж, — подумал Ли Фуюй, — раз ты так решил, пусть будет так. Главное, что ты наконец прозрел».

«Но придет день, и я заставлю Янь Тиншуана сполна заплатить за все, что ему никогда не принадлежало».

«Брат Система, — после недолгого колебания подал голос Янь Фуи, — это твое настоящее имя?»

Ли Фуюй безмолвно замер.

Конечно, откуда этому уроженцу древнего мира знать, какую великую силу скрывает в себе слово «Система».

Поразмыслив, Ли Фуюй ответил:

«Это лишь мое прозвище. Если оно режет слух, зови меня по имени. Моя фамилия Ли, а зовут Юй».

Имя звучало обыкновенно, почти незаметно для этих мест, поэтому Небесное Дао, немного поколебавшись, позволило раскрыть эту тайну без карающих молний.

Помолчав чуть дольше обычного, Янь Фуи произнес как ни в чем не бывало:

«Брат Ли».

«Да, я здесь», — отозвался Ли Фуюй.

На душе у него заскребли кошки. Ему ужасно хотелось попросить: «Зови меня лучше шихэном», но невидимые оковы Небесного Дао мгновенно сдавили горло, не давая вымолвить ни слова.

Крепче перехватив грубое топорище, Янь Фуи уже замахнулся для нового удара, как вдруг издали донесся громкий, окликающий его голос:

— Парень Янь, ты чего опять вскочил?! Тебе же Старый Цинтоу велел в постели лежать, не шевелиться!

Говорил немолодой мужчина. Послышался тяжелый шаг, шорох вязанки хвороста за спиной, и уже через мгновение кто-то мягко, но настойчиво забрал топор из рук юноши.

— И что тебе на месте не сидится? — добродушно пожурил его крестьянин. — Слабый ты еще, негоже за такую работу браться, руки только изранишь.

Янь Фуи растерялся.

Для любого мечника оружие священно. Клинок — это продолжение души, и лишиться его равносильно смерти. Даже на краю гибели Янь Фуи никогда не выпускал рукояти меча. Но сейчас все изменилось. Его единственное «оружие» без труда отобрал простой деревенский мужик, и юноше оставалось лишь беспомощно сжать и разжать опустевшие пальцы.

Ли Юй тут же ехидно вставил свои пять копеек:

«И то верно. Раз уж ты у нас девица нежная, изволь лежать в постели и попивать бульончики».

Этого добродушного человека звали Гуань Шаньсин, в деревне его величали Старым Гуанем. Именно он вместе с другими охотниками пару дней назад подобрал окровавленного юношу у подножия утеса. Их родная деревня Лаотан ютилась в глубокой, уединенной горной долине. До ближайшего города отсюда нужно было добираться не меньше половины дня.

— Старший брат Гуань, — негромко отозвался Янь Фуи. — Мои раны больше не беспокоят меня.

— Не упрямысь, малец, — нахмурился Старый Гуань. — Старый Цинтоу в один голос твердил, что ты одной ногой в могиле стоял. Живого места на тебе не было... До сих пор дрожь берет, как вспомню. За какие грехи тебя так отделали?

В тот день, наткнувшись в лесной чаще на истерзанное тело, охотники решили, что перед ними мертвец. Лишь слабое, едва уловимое дыхание заставило их поспешить. Спасло Янь Фуи только чудо: местный лекарь Старый Цинтоу всю ночь не отходил от раненого и сумел-таки вырвать его из лап смерти.

При себе у юноши не нашлось ничего, кроме пустого, изящного мешочка-цянькунь. Жители деревни Лаотан решили, что бедняга пал жертвой жестоких разбойников. Но никто не сомневался, что парень он благородный. Стоило Янь Фуи очнуться — ослепшему, израненному, в грубой чужой рубахе, но по-прежнему величественному и прекрасному, словно сошедший на землю небожитель, — как всякие подозрения отпали сами собой.

Помня о слепоте гостя, Старый Гуань забросил колун в корзину для дров, бережно взял юношу за запястье и, не переставая ворчать, повел к дому.

В семье Гуань было пять человек. Старший сын, Гуань Далан, ушел искать счастья в большой мир, а дома остались прикованная к постели Бабушка Гуань да маленькая дочка Сяохуа, не достигшая еще и тринадцати лет. Старый Гуань с женой трудились не покладая рук, горы щедро делились дичью и травами, так что голодать им не приходилось.

Янь Фуи сгорал от стыда от мысли, что обременяет этих добрых людей, живя у них нахлебником.

Из-за полного отсутствия духовных сил он не мог открыть свой мешочек-цянькунь, а привычки носить с собой мирские деньги или дорогие украшения у него, как у истинного аскета, никогда не было.

Будучи совершенно неопытным в тонкостях мирского общения, он не знал, как возразить, а

потому безропотно шел туда, куда его вел Старый Гуань.

Крестьянин усадил Янь Фуи на невысокую скамью под раскидистым деревом у порога, а сам вернулся к дровам, оглашая двор мерным стуком топора. Рядом, прямо в тени раскидистых ветвей, устроилась Сяохуа, усердно перебиравшая охапку каких-то стеблей.

Девочка то и дело любопытно косилась на красивого гостя, не сводя восторженного взгляда с его точеного профиля.

Лишившись духовных сил, Янь Фуи сохранил безупречное чутье воина. Почувствовав на себе этот пристальный взгляд, он слегка смутился.

Повернув голову к девочке, он негромко спросил:

— Что ты делаешь?

— Очищаю каменный бамбук! — звонко ответила Сяохуа, высоко подняв зеленую ветку. Вспомнив, что красивый шисюн ничего не видит, она смущенно прикусила язык и тихонько хихикнула: — Это очень ценная трава. Отец целую корзину в горах собрал. Если ее хорошенько очистить, в городе за нее дадут много денег.

На раскрытую ладонь Янь Фуи, покоившуюся на колене, вдруг легло нечто прохладное и тонкое.

— Вот, потрогай, — прошептала девочка. — И понюхай! Пахнет совсем чуть-чуть, но очень приятно.

Запах действительно оказался приятным. Едва уловимый, освежающий аромат подсказал опытному лекарю, что перед ним низкоранговая духовная трава.

Осторожно проведя подушечками пальцев по тонкому стеблю и коснувшись крошечных соцветий, Янь Фуи сразу понял, что под видом простого «каменного бамбука» девочка держит обыкновенную лунную траву весьма посредственного качества.

— И как же ты ее чистишь? — полюбопытствовал он.

— Обычной щеточкой, — охотно объяснила Сяохуа. — Эти стебли нельзя мочить водой, иначе они сгниют. Приходится сначала сушить грязь на солнце, а потом терпеливо соскребать ее. Только тогда аптекари купят их по хорошей цене.

— У этой травы целебными свойствами обладают лишь сами стебли, — мягко заметил Янь Фуи.
— Цветы на верхушках совершенно бесполезны для лекарей. Попробуй сорвать их у самого

основания, хорошенько растолочь и смешать с крепким вином. Если ты опустишь стебли в получившийся настой, вся въевшаяся грязь сойдет сама собой, а целебная сила растения только укрепитя, и выглядеть оно будет гораздо лучше.

— Ой! — Сяохуа удивленно округлила глаза. — Правда?

— Чистая правда, — с самым серьезным видом кивнул юноша. — Я сам видел, как знающие люди так поступали.

Лунная трава считалась самым заурядным сорняком в мире заклинателей. В бытность свою странствующим праведником Янь Фуи однажды забрел в Срединные равнины и видел огромные заросли этой травы на заднем дворе одного скромного ордена. Ученики внешней школы того ордена целыми днями только и делали, что заготавливали и очищали эти невзрачные стебли.

То, что в здешних диких лесах росла лунная трава, говорило о высоком средоточии природной духовной энергии. Для простых смертных это растение служило великолепным средством для очищения разума и продления жизни, а потому ценилось на вес золота.

Сяохуа отнеслась к совету с легким недоверием, но все же решила попробовать. К ее изумлению, едва стебли коснулись ароматной кашицы, как многолетняя грязь сошла без следа. Трава засияла сочным, изумрудным блеском, словно только что умытая росой, и даже как будто слегка вытянулась в длину.

— Ого! — взвизгнула девочка, подпрыгнув на месте. Схватив сияющий стебель, она помчалась хвастаться отцу: — Батюшка, смотри! Наш гость — настоящий кудесник!

Янь Фуи остался сидеть под деревом. Легкий весенний ветерок ласково трепал выбившиеся из прически пряди волос, холодя бледное лицо.

Ли Фуюю безумно захотелось протянуть руку и заботливо убрать эти непослушные локоны ему за ухо.

«Все-таки девчонки куда милее, — мечтательно вздохнул он. — Не то что эти неблагодарные младшие братишки. Сплошное наказание, только кровь пить горазды».

Янь Фуи промолчал, но в его мыслях отразилось безмолвное смирение.

Сяохуа души не чаяла в их таинственном госте. За всю свою недолгую жизнь она не встречала никого прекраснее этого человека.

В первые дни он почти не приходил в себя, не мог сделать и глотка воды, а от лихорадки то и дело становился мокрым как мышь. Глядя на его страдания, Сяохуа невольно вспоминала

маленького белоснежного лисенка, которого когда-то выпросила у отца. Бедный зверек попал в капкан и был так изранен, что его чудесный мех сваялся от запекшейся крови. Он лишь тихо и жалобно скулил у нее на руках, пока через несколько дней его крохотное сердце не остановилось навсегда.

Сяохуа тогда пролила немало слез и теперь панически боялась, что спасенный юноша разделит участь лесного зверька. К счастью, с каждым днем гостю становилось лучше. Пусть он остался слеп и не отличался многословием, но держался гораздо бодрее ее больной бабушки. Он часто рассказывал девочке удивительные вещи, а иногда за обедом незаметно забирал из ее чашки опостылевшую стручковую фасоль.

Детскому сердцу многого не надо: Сяохуа окончательно привязалась к Янь Фуи и теперь ходила за ним хвостиком, напрочь позабыв про деревенских подружек.

Спустя месяц заботливого ухода к рукам Янь Фуи наконец вернулась былая сила, и он смог уверенно держать тяжелый колун Старого Гуаня. В один из дней он выстругал для Сяохуа крошечный деревянный меч. Стоило девочке выйти с ним на улицу, как уже на следующее утро у невысокой изгороди дома Гуань выстроилась целая орава деревенской детворы с разинутыми от восторга ртами.

Вскоре Старый Гуань с женой одолжили у старосты запряженную волом телегу и, сияя от счастья, погрузили на нее корзины с великолепной лунной травой, готовые к отправке в город.

Эту добычу они собирали и бережно хранили не один месяц. Вырученных денег должно было с лихвой хватить на то, чтобы пополнить спрятанный под кроватью глиняный кувшин. Супруги мечтали скопить на заветный духовный камень для старшего сына, Гуань Далана, а заодно отвезти малышку Сяохуа в Обитель Синего Облака — проверить, нет ли у нее врожденного таланта к магии.

Если бы предки явили милость и помогли их детям ступить на путь бессмертия, Старый Гуань счел бы, что прожил жизнь не напрасно.

Проводив хозяев за околицу, Янь Фуи вместе с Сяохуа вернулся в дом. Поездка обещала занять не меньше трех дней, и юноша вызвался присмотреть за больной старушкой и девочкой. Вернувшись, он твердо вознамерился покинуть этот гостеприимный приют.

Накануне отъезда хозяев, дождавшись глубокой ночи, он тихонько опустил в заветный каменный кувшин под кроватью бесценную траву Звездного Ущелья.

Не имея возможности прощупать духовные каналы Сяохуа, Янь Фуи без труда определил по строению ее тела редчайший дар — врожденные кости меча. Девочку гарантированно приняли бы в Обитель Синего Облака. А если бы настоятель Чисун-цзы получил в дар легендарную траву Звездного Ущелья, он без лишних вопросов зачислил бы и Сяохуа, и ее брата в личные ученики.

В то утро, когда небо еще только начинало светлеть под бледным диском луны, Сяохуа крепко расцеловала родителей на прощание. Она долго вешалась на шею матери, выпрашивая обещание привезти из города настоящий, пусть и маленький, железный меч.

Малышка Гуань Сяохуа и представить не могла, что видит отца и мать в последний раз.

<http://bllate.org/book/20278/2130913>